

Пролог

Пошевевлившись, я приоткрыл один глаз, пытаюсь определить источник шума. Сутки назад я погиб, задохнувшись, — чёртова слива! — и оказался здесь. Где именно, пока сам не знаю. Очнулся в сарае, на соломе, одетый в рубище, и с тех пор тут и нахожусь. Болела голова: судя по шишке на темечке, бывшему хозяину этого тела прилетело неслабо.

Что я могу рассказать о себе? Звали меня Мартын. Мартын Скоробогатов. Отец — Геннадий, отчество ответственное ношу. Моя жизнь не особо отличается от жизни тысяч других парней. Советская семья, садик, развал СССР, школа, два класса техникума (не доучился). Потом армия. Попал на один год (как раз приказ вышел), за что от «дедушек», что служили два года, неслабо получал. От бабушки мне осталась квартира в Нижнем Новгороде, туда я из-под Казани и переехал. Работал в офисе небольшой компании обычным электриком. Да, всё здание обслуживал.

К моменту смерти (к две тысячи двадцатому году) мне было тридцать два года и у меня уже имелся заметный животик. Запустил себя слегка. А что, диван и пиво до добра не доводят. Я был форумным завсегдатаем, по историческим сайтам ползал, там меня многие знали. Книжки почитывал, особенно альтернативку. В общем, я был типичным диванным воином.

Так и представляю себе: стою на диване в собственной однушке, в облачении русского воина Древ-

ней Руси: в кольчуге, шлеме, плащ красный княжий за спиной развеивается, — и, протянув правую руку вперёд, вещаю:

— Нарекаю эту квартиру землёй Русской...

Ну, вообще-то это не глюки, было такое. Но стоял я в трусах-семейниках и хорошо поддатый.

Однако шутки шутками, а по себе знаю: диванные вояки — это такие звери... Как бы объяснить? У людей, которые сидят на разных сайтах, форумах, смотрят эти штатовские боевики, что льются из каждой розетки, постепенно стираются границы... человечности, что ли? У них нет тормозов, они прут вперёд, только и слышно от них: «Убить, убить, убить». Чёрное — это чёрное, белое — это белое, и никаких других оттенков. Жуть.

Я читал работы некоторых психологов, которые изучают таких диванных вояк, и знаю, о чём говорю. Границы моральных норм реально стираются. Там, где другой остановится, не будет доводить до крайности, эти доведут. Потом, может, и пожалеют, но это будет потом. Сидя на диванах, они бахвалятся, а как до дела дойдёт — сразу руки вверх. Трусов, что любят бить в спину, среди нашего брата хватает.

Психологи выделяют шесть типов диванных вояк. Тип первый: ничего не знают, но всех поучают. Когда их припирают к стенке, обвиняют других в безграмотности или исчезают из сети. Таких большинство. Тип второй — любители. Интересуются, но с советами не лезут. Тёмные лошадки. Тип третий — неплохие историки, фанаты-реконструкторы. Таких немного. Четвёртый тип — тролли-амёбы. По жизни схожи. Пятый тип — агрессивные тролли. Самый опасный вид диванных вояк. Шестой тип — активные фанаты, за счёт которых форумы и существуют.

Я у тех психологов тесты проходил, на сайте были выложены. Три раза. Однозначно шестой тип. Все

шесть типов агрессивны по ситуации. Одновременно. Потом голову включают.

Погиб я, когда лежал на диване и, беря из таза мытые сливы (привёз от родителей), смотрел новый боевик. Пиратскую версию. Телек был к ноуту подключён, смотрел с инета в режиме онлайн.

Подавился сливовой косточкой, рядом никого, ну и вот. Мучительная смерть, надо сказать.

Очнулся я в теле парнишки. Возраст не скажу. Не мальчонка уже, но и не парень, где-то между ними. Навскидку лет четырнадцать.

У меня была отличная жизнь закоренелого холостяка. Женщины мне попадались сплошь истерички, что ещё больше усиливало мои холостяцкие убеждения. Так я ни разу и не женился. Хватало романов да разных интрижек.

И вот я очнулся в сарае, лёжа на старой, прелой соломке. Произошло всё вечером, и, видимо, я пролежал всю ночь и очнулся с первыми лучами солнца. Меня пробудил солнечный лучик, что через щель в стене светил мне прямо в правый глаз. Я сел, морщась и протирая глаза руками, поначалу не разбирая, что происходит.

Потом огляделся. Глянул на руки, на одежду... Десять секунд непонимания. Минута на осознание. Час на рефлексию. Тут надо отдать мне должное: пока носился по сараю, стена и оплакивая себя, делал это тихо. Опасался привлечь к себе внимание. Я был заперт в сарае, а это что-нибудь да значило.

Вскоре открыли одну створку ворот. Подгоняя меня затрещинами, что отдавали в голову, заставили вынести колоду с парашей. Затем дали воды в глиняной крынке грубой работы и немного еды: зачерствевший хлеб, сухарь с плесенью с одной стороны да луковичу. Я всё мгновенно схарчил.

За это время я сумел примерно понять, где оказался — в императорской России. Я находился в поместье, где хозяйкой была местная барыня: её окликали, когда я парашу выливал в отхожую яму. А со временем определился, наблюдая за молодым офицером, подпоручиком, которого барыня с утра в дорогу провожала. Тот верхом ускакал, в сопровождении слуги. Форма у него приметная, с эполетами, да и кобура с револьвером тоже.

Такую форму носили до Русско-японской войны, но кобура однозначно с наганом, а его приняли на вооружение в тысяча восемьсот девяносто шестом году. В войска оружие бельгийского производства поступило в тысяча восемьсот девяносто седьмом году, пока револьвер готовились выпускать на тульском заводе, я это хорошо помню. Тульский оружейный завод начал выпуск наганов в тысяча восемьсот девяносто девятом году. Жаль, нет возможности глянуть, что за револьвер, — по времени бы определился.

Потом меня вернули в сарай и заперли. Это сделал дюжий мужик с окладистой бородой. Я по-прежнему не понимал, что происходит, почему парня (то есть меня) заперли и каков мой теперешний статус.

Решил провести время с пользой. Конечно, попадание мне не нравилось, однако делать нечего. Рефлексии я предавался вчера, а теперь нужно вживаться и выживать.

Для начала я себя осмотрел. Синяков разного срока давности на теле хватало, парня явно били, и часто. Но вроде не изувечили, в целом я в порядке, даже зубы все на месте, хотя в такое время это большая редкость. Возраст примерно лет четырнадцать, вряд ли больше. Волосы тёмные, шатен, нос на ощупь прямой, не картошкой, чуть полные губы, массивный подбородок уже в таком возрасте. Про цвет глаз пока сказать не

могу. В общем, внешность должна быть нормальной, но пока не увижу своё отражение, утверждать не буду.

Одет я был в воняющую бомжами рвань — рубашку и перевязанные засаленной бечёвкой штаны с дырами в разных местах. Мне кажется, если эту одежду снять и прислонить к стене сарая, она останется стоять, повторяя форму моего тела. Парень что, не мылся? Явно же лето на дворе. Не конец, но и не начало. Июль, скорее всего. Трава уже начала светлеть, выгорая под лучами солнца, да и пылью покрыта. Да, дуваю, июль.

Изучив себя, я начал искать. Что? Да ведь все попаданцы получают какие-нибудь умения. Ну, хотя бы пятьдесят процентов таких залётчиков точно. Больше часа я на это убил — и ничего. Ни вещи взглядом не поднимаю, ни сил, ни исцеления не прибавилось. Шишка как была, так и осталась. Из всех чувств — тупая ноющая боль в голове и постоянное чувство голода. Да и парнишка — скелет, сил в теле мало. Видать, нечасто мог нормально поесть. Из бродяг, что ли?

Я был вынужден с разочарованием констатировать, что являюсь обычным человеком. Может, что и есть, но я пока не нашёл. Ну и задумался насчёт побега. Изучил все стены, они были сложены из брёвен. Однако сарай был старый, покосившийся, балки наверху видно, крыша из досок и дранки. Если ночью тихо разобрать, то можно выбраться и утечь. Значит, ждём наступления темноты.

После завтрака прошло часа два. Я только лёг, когда моё внимание снова привлёк скрип дверных створок. Ещё обеда нет, а кому-то я понадобился. Я приоткрыл глаза. Что ж, узнаем, что за гости.

— Ну что, бегун, очнулся? — спросил, входя в сарай, неплохо приодетый мужчина. Он был выбрит, но с усами, в отличие от того, который приходил утром.

Тот, первый, на вид был настоящий крестьянин, босой, как и я. А этот и одет справно, и ремень у него с ножом. Однако ливрея слуги свидетельствовала, что к хозяевам поместья он не принадлежит. Слуга, и скорее всего, приближённый. Одет он был в синие штаны, синюю ливрею с серебристой оторочкой по краям и в белую рубаху. На голове не было ни парика, ни картуза, ни шляпы. А у утreshнего бородача картуз был.

Я сидел, глядя исподлобья, и внимательно его рассматривал. Однако надо было что-то отвечать.

— Ты кто?

— Ты как разговариваешь с дворецким самой помещицы Стоцкой?! — разозлился мужчина.

Я бы сказал этому халдею, где его видел и на чём крутил, но благоразумно промолчал. Я пусть и диванный вояка, но всё же мозги имею и не кидаюсь на противника с пеной на губах. Тем более на реального, а не форумного. Там-то можно потроллить.

Зря я, похоже, так... Он, оказывается не один, за его спиной ещё двое, по виду — дворовые людишки. Крестьян тут нет, дворовые людишки к ним отношения не имеют. Один из них точно с конюшней связан: я его утром там видел, он офицеру коня подавал, да и ноги босые вон в навозе испачканы.

— Я ничего не помню, — сказал я, решив прибегнуть к запасному варианту. — Кто я? Где я?

— Да-а, сильно тебя Митроха рукояткой кнута приласкал, — с сомнением изучая меня, сказал халдей (я теперь мысленно буду так его называть). — Значит так, ты теперь из дворни помещицы Стоцкой. Куда бы тебя?.. Да вот, конюху пока помогать будешь, навоз вывозить с конюшни.

Халдей, имени которого я так и не узнал, вышел, а конюх, тот самый, Ноги в Навозе, махнул рукой:

мол, следуя за мной. Куда второй из дворни подевался, я как-то не заметил.

Сама конюшня была чистой, конюх об этом заболтался. Но за конюшней высилась целая гора навоза, так что работы было много. Мне выдали смирную лошадку и телегу для вывоза мусора. Сюда дворня, среди которой было в основном бабё, что сейчас с любопытством на меня косились, носила бытовой мусор. Ну, я и начал деревянными вилами (впервые такую прогу вижу) кидать навоз.

Конюх стоял рядом и чесал языком, ожидая загрузки. Я задавал наводящие вопросы, и постепенно мир вокруг меня приобретал материальность. Потом мы вывезли навоз за пределы имения, и я стал разгружать телегу, раскидывая его по полю возле речки. Вполне судоходной: по ней как раз, дымя трубой, шёл пароход с большими барабанами гребных колёс по бокам. Я уставился на него, открыв рот, за что и получил пенделя от Ноги в Навозе. Он-то к такому зрелищу привык.

Закончив разгрузку, я, с разрешения надсмотрщика (а как ещё называть конюха, который только лошадкой рулит и за мной приглядывает, указывая, что делать), я искупался прямо в одежде чуть выше по течению от места разгрузки, где был удобный спуск. Хоть вонь от одежды отбил.

На обратном пути одежда высохнуть успела, а когда мы вернулись, как раз обед наступил. Нам принесли рыбный суп в плошках, с кусочками хлеба. Я с жадностью набросился на еду. Порция была солидная, и я всё съел, но особой сытости не почувствовал: парнишка, похоже, часто голодал. А называли меня Иваном, раз не помню себя и прошлого своего.

Вот что я узнал от конюха. Народ шибко умным стал после того как крепостное право отменили. Мно-

гие снялись с мест целыми семьями. И так получилось, что иногда дворянам не хватало рабочих рук. Что делали? Ловили бродяг и заставляли работать на себя за еду.

И вот два дня назад обоз под управлением халдея, возвращаясь в поместье из ближайшего городка, проезжал мост. Там халдей и увидел бродяжку, бывшего хозяина этого тела. А зная, что рук рабочих не хватает, решил прихватить его. Свидетелей нет. Свистнул подручным, те его и схватили. Бродяжка бежать хотел и получил по голове. После этого его положили в одну из телег под рогожу и потом по прибытии определили в сарай.

А там уже я очнулся. И похоже, не одного такого поймали: сарай явно для содержания пленных, будущих батраков-рабов подготовлен. Были до меня такие бедолаги, были.

Да уж, неприятные мысли. Но бежать я в эту ночь твёрдо намерен, хотя в курсе, что пока мне не доверяют, а значит, снова запрут в сарае, и с утра начнётся новый рабочий день. А причины бежать у меня были.

Итак, по основной информации. Сейчас июль (угадал я всё-таки) тысяча восемьсот девяносто восьмого года. Находимся мы недалеко от Нижнего Новгорода, ближе к югу — между Новгородом и Муромом. А река, на берегу которой мы навоз разгружали, — это Ока.

Конюх вообще оказался очень болтливым. От него я много о местной жизни узнал. Например, тот офицер-пехотинец — это сын боярыни, служит в Нижнем. Приезжал навестить матушку, он тут каждые выходные бывает. Ну, в общем, мусора словесного от конюха много, но ничего существенного его болтовня мне не дала.

Однако самое главное я узнал — это год. Заметили, что через неполные пять лет Русско-японская нач-

нётся? Мне четырнадцать, а к началу войны девятнадцать будет. Подозрительное совпадение — как будто время на подготовку даётся. Я не фанат этой войны, но многое по ней знаю. Упущу ли такую возможность поучаствовать в ней? Думаю, что нет. У меня даже, пока я на конюшне трудился (руки работают, а мозги-то не заняты), довольно стройный план нарисовался. Я хочу поучаствовать в ней. Чтобы я, с ником Терминатор-2000, и прошёл мимо?! Не бывать такому.

Однако в пехоту солдатом или простым матросом я не хочу, а именно это меня и ждёт с моим-то статусом. Как это изменить? О том, чтоб под дворянина рядиться, даже и думать не стоит: тут довольно серьёзная бюрократия, быстро вычислят. Нет, я придумал другой способ стать офицером (а я хочу участвовать именно офицером). Так я хоть что-то решать смогу.

И вот какая идея пришла мне в голову. Нужно поучиться в гимназии (придётся, я школу давно закончил и знания утеряны, одни обрывки остались), и поступить в училище на штурмана гражданского флота. Там по окончании обучения всех учащихся регистрируют в архиве военно-морского флота под званием прапорщика по адмиралтейству. Пусть «мокрым» прапорщиком буду, но хоть это.

Сейчас, на начальном этапе, нужно решить две проблемы: избавиться от рабства (а сейчас я прав не имею, раб и есть) и найти деньги. А деньги мне будут нужны, и много: нанять частных учителей, чтобы те подтянули меня, потом гимназия, после училище. Успеваю, если так посмотреть.

И да, есть ещё один минус: я сирота, родственников не имею, и, чтобы избежать возможных проблем, стоит найти опекуна. Желательно молодую, красивую, фигуристую вдову купца, охочую до молодых парней. Жаль, что это мечты, но помечтать-то можно.

Вот такие планы были. А пока весь день я работал. Работал серьёзно, фактически без отдыха. Три телеги навоза вывезли (половину кучи), остальное, видимо, на завтра. Меня ещё и к другим грязным работам привлекли, их на подворье изрядно было: коровник очищал от навоза, крыльцо усадьбы подметал. Вечером нас ещё раз покормили тем же рыбным супом, и, как начало темнеть, меня заперли в сарае.

Я серьёзно был настроен бежать, и поскорее. Конечно, неплохо было бы сперва отъесться, а то уж больно заморённое тело мне досталось, скелет ходячий. Но времени мало. Уже июль, к осени мне нужно раздобыть денег, найти опекуна и начать учиться. За зиму освоить весь материал гимназии, необходимый для подростков моего возраста. Дальше запишусь как пятнадцатилетний, поступлю в гимназию и буду учиться вместе со всеми. И хотелось бы устроиться или в Москве, или в Питере, но в столице жизнь дорогая. Училище штурманов как раз в столице, но по деньгам видно будет, где я поначалу жить буду. Эх, мечты, мечты.

Была и ещё одна причина для скорейшего побега. Сегодня мне ясно дали понять, каков мой статус здесь. Придрались к чистоте коровника: мол, плохо убрал, и дали плетей, халдей пять ударов назначил. Чёрт, это больно! Я орал от каждого удара. Думаю, так мне указали моё место, а уборка коровника была лишь предлогом.

Бежать стоит в сторону реки. Тут кругом земли боярыни, в основном поля. А с другой стороны реки лес вплотную стоит, переплыву — и с собаками меня не найдут. Я грибник опытный, лес знаю. Бежать стоит сразу, как стемнеет, причём ничего с подворья не брать. Ну сбежал батрак, и чёрт с ним, нового поймут. А вот если что пропадёт, с собаками будут искать, в полицию пожалуются, передав мои приметы.

А мордашка у меня, кстати, симпатичная (я изучил своё отражение в реке). Похоже, в предках у парня затесались дворяне. С крестьянскими детьми мало общего, хотя и среди них хватало тех, кто имел довольно неплохие черты. Длинный ряд селекции заметен: видать, помещик развлекался с дворовыми девками. Кстати, девки у помещицы ничего, я бы сам с ними на сеновале погрешил.

Как только дверь закрыли, я сразу метнулся в центр. Надо спешить. Небо заволокли тучи, на пыльную землю уже упали первые крупные капли дождя. Дворня радовалась: давно дождя не было, боялись за урожай, как бы не пропал. А тут, похоже, надолго зарядит. Это мой шанс.

Причём раз такое дело, то и в дом помещицы наведаться стоит. Так бы я не рискнул: найдут — забьют плетью. Но дождь даст мне шанс уйти. Главное, тару бы найти, в которой добычу можно унести, не попортив водой. А что, я весь день на этих буржуев пахал. За одну еду? Хазер. Сам возьму, что мне нужно.

Капли дождя шумно барабанили по всему вокруг, и начавшийся ливень скрыл мои удары по дранке. В сарае была балка, я подпрыгнул, ухватился за неё и подтянулся, после чего лёг на неё и, дважды ударив стопами по дранке, выбил две трухлявые, подпорченные влагой доски.

Пролезть в дыру я смог без труда. Скатился на землю, ничего себе не поломав. Промок до нитки практически мгновенно, сразу после того как поднялся с земли после прыжка и кульбита. Осмотрелся. Я на удивление неплохо видел, хотя темнота была кромешная.

Побежал к зданию усадьбы, держась в стороне от будок с собаками. Те за день не раз гавкали на меня, как бы тут не подняли вой. Однако нет, и они прятались от дождя в своих будках.